

VIII. НОВОЕ В ПРАВАХ И БЫТЕ

1

Вместе с политическим подъёмом в жизни русского народа во второй половине XIV в. намечается заметный перелом и в его быту.

Всё более и более отходят в прошлое языческие верования и обычаи, столь распространённые в XI—XIII вв. Так, например, ещё в 1274 г. церковным собором во Владимире отмечались игрища, на которые по субботам и воскресеньям собирались новгородцы, «кричали и ржали как кони и делали скверну». Ещё в конце XIII в. в Новгороде существовал языческий обычай водить невест к воде. Ещё в первой половине XIV в. при сливании кваса окружающие поднимали страшный шум, призывая и величая языческих богов (в том числе и бога кваса), и били в бочки. Но уже под 1358 г. в новгородской летописи отмечено, что новгородцы «того же лета целоваша (т. е. клялись) бочек ни бити».

Постепенно отмирают и другие пережитки язычества, многие из которых существовали не только в широких народных массах, но и в княжеской среде. Отмирает княжеский языческий обычай пострига и посажения на коня малолетних князей; отмирает обычай давать князьям, кроме церковных, вторые княжеские имена в память предка, исчезают из княжеского обихода молитвы-обращения перед битвой о помощи к умершему предку, независимо от того, был ли он объявлен церковью святым или нет, и многие другие пережитки религиозных представлений родового общества.

«Двоеверие», т. е. беспорядочное смешение представлений языческих и христианских, которое было характерно даже для мировоззрения княжеской среды, ещё в XII—

XIII вв. постепенно отходит в отдалённые от центров просвещения «украины». Но и там, в глуши лесов и болот, их настигает монастырь, скит или погост.

Именно со второй половины XIV в. начинается оживлённая деятельность монастырей, активно христианизировавших отдалённые северные окраины. Столетием раньше новых монастырей было основано около трёх десятков, почти все они строились в городах или непосредственно за их стенами. Но с середины XIV в. их возникает до полутора, большинство из них вырастает вдали от городов и сёл, в лесных дебрях, на берегах глухих рек и озёр. Монастыри продвигаются и на север, и на восток, и на запад, подчиняя своему культурному влиянию окрестное население. Вокруг монастыря, под защитой его стен, оседает население, топор и соха преобразуют лесную чашу, распространяется грамотность.

Типичный представитель этого «пустынничества» — Стефан Пермский хорошо знал греческий язык, мог свободно говорить на нём, читал греческие книги, делал переводы. Епифаний Премудрый называет его «чудным дидакалом», исполненным мудрости и разума, и отмечает, что он был научен всей внешней (т. е. светской) философии, книжной мудрости (т. е. был начитан) и грамотной хитрости (т. е. знал грамматику и риторику как высшие науки о языке). Тот же Стефан Пермский составил зырянскую азбуку для окружающего населения, перевёл на зырянский язык богословские книги, а затем, приобретя среди зырян высокий авторитет, неоднократно ходатайствовал за них перед великим князем, добился облегчения дани, избавлял их от работ, насилий и тиунских продаж (конфискаций).

Христианская книжность этого периода оказывает всё большее влияние на жизнь. Под впечатлением пролога и миней (сборников житий святых) задумывал впечатлительный юноша свой побег из родительского дома в «пустыню», в скит. Под влиянием литературных образцов слагается жизнь «подвижников», основателей монастырей и др.

Церковь оказывает влияние не только на жизнь клира. Под воздействием церкви, начиная с XIV в., замечается значительное смягчение нравов.

В отличие от западноевропейских католических монастырей XIV—XV вв., проповедывавших крайние формы аскезы, «умерщвления плоти», самоистязаний и самоунижений (целование ран прокажённых, растравливание ран на

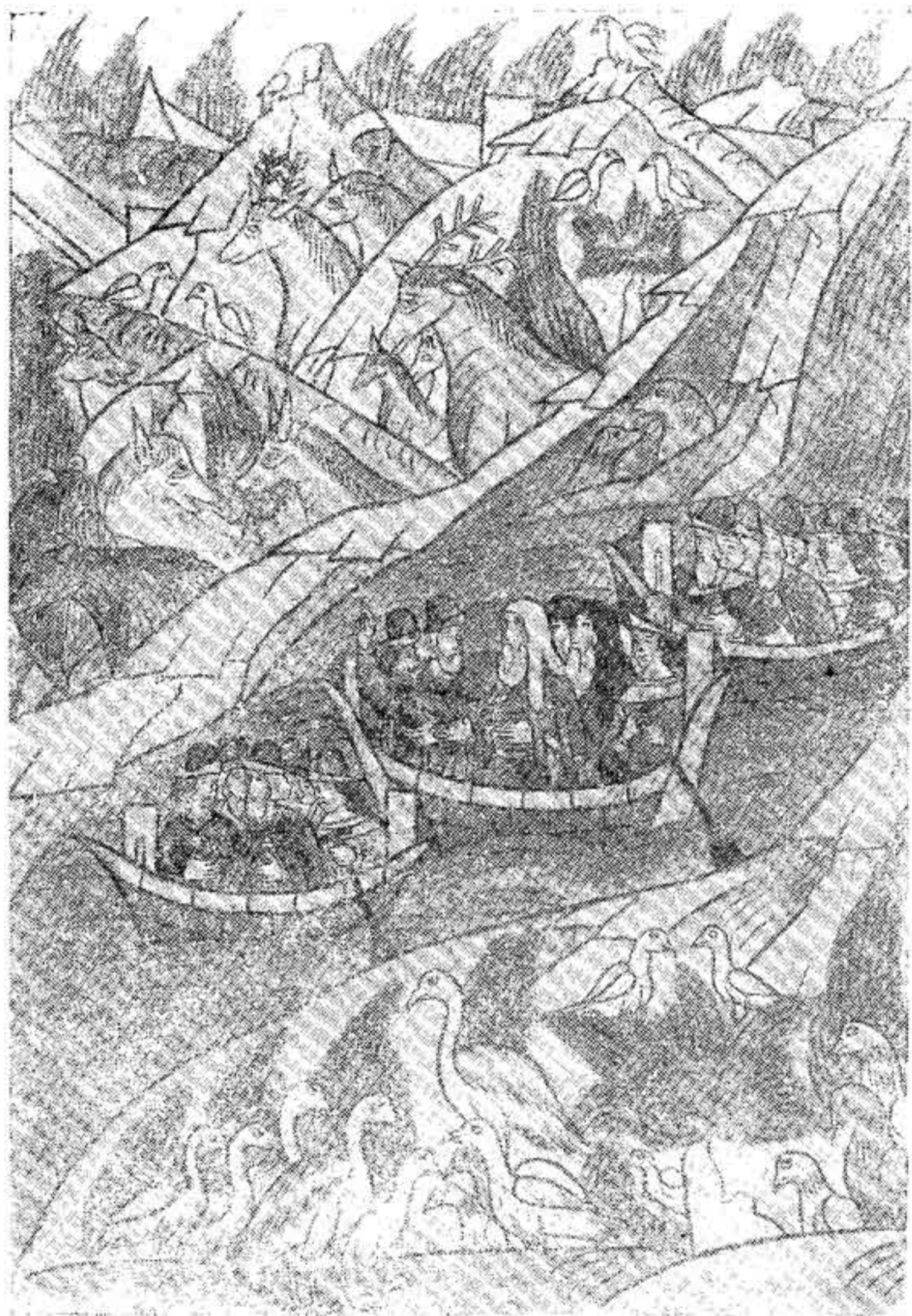
собственном теле и т. п.), русские монастыри XIV—XV вв. не были рассадниками иступлённо аскетического отношения к жизни. «Отрекись пьянства, а не питья, отрекись объядения, а не яствы, отрекись блуда, а не женитьбы», — читаем мы в наставлении духовнику о принятии кающихся XV в. «Невежество злее согрешения», — читаем мы там же. Кающихся следует расспрашивать «с великим прилежанием», пишет митрополит Киприан, и различно накладывает на них епитимью: «так как иначе молодой поступает, иначе же пришедший в возраст, иначе же в старости согрешивший, иначе же смысленный, иначе несмысленный, иначе самоволием согрепивший, иначе неволею согрепивший, иначе раб, иначе свободный, иное дело вольный грех, иное невольный. Все следует выпросить и по всему этому рассудить духовному отцу».

Перед проповедниками XIV—XV вв. стояли живые человеческие личности, и каждого из паствы надлежало «с прилежанием» распытывать и узнавать.

2

Такое отношение проповедников XIV—XV вв. к человеку далеко не случайно: резко растёт в быту значение человеческой личности. Живая человеческая личность стоит в центре внимания литературных произведений. Творчество художников и писателей, по большей части безличное и безымянное в предшествующие века, начинает индивидуализироваться. Писатели надписывают свои произведения своими именами, они много говорят в них о себе, о причинах, побудивших их взяться за перо. Люди XIV в. уже интересуются тем, кто составил то или иное произведение, создал тот или иной предмет искусства. В завещании Дмитрия Донского упоминаются «икона Парамшина дела... пояс с ремнем Макарова дела... пояс золот Шышкина дела...».

Литературное ремесло выделяется в особую профессию. Появляются первые писатели-профессионалы, занимающиеся писательством не только в свободное от других дел время, но и ради заработка. Таков, например, Пахомий Логофет. Первоначально, не позднее 1438 г., он работал в Новгороде, в 1440—1443 гг. перекочевал в Москву, долго жил в Троице-Сергиевом монастыре, в 1460 г. снова явился в Новгород, но уже ненадолго, так как в 1463 г. застаёт его в Кирилло-Белозерском монастыре. Десять лет

Пустыня. Путешествие Памена
Летопись Остермана

спустя опять видим его у Троицы, где ему поручают написать «Слово» по случаю «перенесения мощей» митрополита Петра. Есть предположение, что позже Пахомий побывал в Устюге. Затем Пахомий снова в Новгороде — за составлением жития новгородского архиепископа Моисея. Это почти полувековое странничество по разным центрам тогдашней русской письменности вытекало из чисто профессиональных задач «книжного писательства»: где бы ни останавливался Пахомий, всюду находил себе спрос его литературный талант, всюду писались им в одном и том же риторическом стиле «Слова», жития и церковные службы местным святым.

Больше 10 житий, столько же приблизительно «Слов», около 15 «служб» и исключительный в своём роде труд по составлению из разных русских и иностранных источников первого у нас опыта отечественной истории на всемирной основе — Хронографа 1441 г. — таков итог многолетней деятельности этого первого на Руси литератора-профессионала.

Сознание ценности человеческой личности самой по себе выражается также в ряде других косвенных признаков. Открытие пейзажа, природы — типическая черта нового отношения к человеку и к его переживаниям. Интерес к природе, стремление к уединению среди лесов или в сельской тишине сопутствовали у всех народов первым проявлениям индивидуализма и сознанию ценности личных чувствований. Авторы эпохи Возрождения как бы открыли природу, научили любоваться закатами и восходами солнца, расцветающей весенней природой, слушать птиц и наблюдать зверей. Пейзаж, ещё пока условный, проникает в русскую живопись (фрески Волотова), в литературу (в произведения Епифания Премудрого), в самый быт, поскольку особая забота о выборе красивого местоположения для монастыря, скита или стремление переселяться на время из города на лоно природы становятся сбычными в XV в. Так, например, о митрополите Киприане известно, что он любил жить в селе Голенищеве, где занимался «книжным писанием»: «было это место тихо и безмятежно и покойно», — говорит о нём летописец.

Стройная сосна, раскидистый дуб, ель на крутом берегу тихого озера не раз с любовью отмечаются в житиях. Место, избранное для жизни Антонием Сийским, было окружено горами, покрытыми лесом, в долинах лежало озеро, возле которого находилось жилище Антония, окру-

жённое двенадцатью берёзами «белыми, как снег». «Созерцание такого места может возбудить чувства» — пишет его биограф.

Сами святые обычно в XIV и следующих столетиях изо-

Келья Сергия в лесу
Миниатюра из жития Сергия

бражаются покровителями зверей и птиц, они приручают их и делятся с ними пищей. Когда Сергей Нуромский пришёл навестить Павла Обнорского, он увидел стаю птиц, вившихся около Павла: одних он кормил из рук, другие сидели у него на голове и на плечах. Тут же стоял медведь и ждал себе пищи, вокруг прыгали лисицы и зайцы.

В Повести о Петре и Февронии рассказывается, что, когда к Февронии пришёл посол князя Петра, перед нею скакал заяц. Рассказы о медведях и зайцах наполняют многие произведения.

Таким же новым, характерным явлением для эпохи интенсивного роста значения человеческой личности была дружба, впервые особо отмечаемая книжностью. Известна тесная дружба, связывавшая Епифания Премудрого и замечательного живописца — Феофана Грека, Сергия Радонежского и Стефана Пермского, художников Андрея Рублёва и Даниила Чёрного, не разлучавшихся до самой смерти. Когда известный книжник — митрополит Киприан вынужден был покинуть Москву, с ним добровольно разделил изгнание один из образованнейших людей того времени — Афанасий Высоцкий.

3

В XIV—XV вв. постепенно складывается семейный быт русского народа с сильною властью отца, с высоким нравственным авторитетом матери, о котором много пишут в посланиях и грамотах XIV и XV вв.

Стоит только прочесть духовные завещания московских великих князей, чтобы убедиться, насколько выросла забота о семье, о её обеспеченности после смерти главы, с какою скопидомною тщательностью перечисляются в них все угодия, все драгоценности и вся накопленная утварь. Как непохожи эти завещания московских великих князей на духовные грамоты их предшественников. Когда-то краткая духовная грамота Владимира Васильковича Волынского, писанная около 1286 г., заключалась характерным разрешением делать после его смерти что угодно: «мне не воставши (из гроба) смотреть, что кто станет делать после моей смерти», — пишет с мрачным юмором Владимир Василькович. Со злым недоброжелательством, вытащив из постели клок соломы, говорит он своему «душеприказчику»: «хоть бы тебе этот вехоть соломы дал — того не давай по моей смерти никому».

Совсем иной характер носит духовная грамота Ивана Калиты: подробно даются в ней распоряжения не только о земле, сёлах, княжествах, но и о золоте, которое он «придобыл», о золотых и серебряных сосудах, серебряных блюдах, золотых кованых поясах. Каждая из последующих княжеских грамот становится всё подробнее и тщательнее

в своих распоряжениях. Духовная грамота Ивана подробно перечисляет каждую мелочь: «шолковую и иную рухлядь», «чепи», «лалы» (рубины), «яхонты», жемчуги, прибыли и доходы. Подробно сказано в ней, в каких ларцах что хранится, где и у кого стоят эти ларцы, чьими печатями они запечатаны и у кого находятся от них ключи. Забота о семье приобретает гипертрофированные формы.

Идеал семьи в княжеской среде принял форму наследственной власти княжеской семьи по нисходящей линии родства. Русская земля в XIV—XV вв. находится уже не в совместном владении рода Рюриковичей, как это было в домонгольской Руси. В Московском княжестве всё отчетливее кристаллизуется идея семейного наследования права на великое княжество Московское, переходящая впоследствии в идею единовластного наследования старшим сыном всех прав, владений и богатств своего отца.

Укреплению семьи сопутствует развитие семейных обычаев. Рождения, браки, смерти — все эти внутренне значительные моменты семейной жизни отмечаются, начиная с XIV в., с необыкновенной торжественностью и в княжеской, и в боярской, и в купеческой среде.

Князья XI—XII вв. умирали в бою (как Изяслав Ярославич или Изяслав Владимирович), умирали от похмелья, после пира с дружиной (как Юрий Долгорукий и брат его Вячеслав), умирали от руки заговорщиков (как Андрей Боголюбский) или от долгой тяжёлой болезни (как Владимир Василькович), одинаково не делая из одного только ожидания смерти ни большого события собственной внутренней жизни, ни народного зрелища. Совсем иначе обставляют свой отход к «отцам и дедам» князья в XIV и XV вв. Так, например, в 1399 г. тверичи были свидетелями смерти своего князя Михаила Александровича. Перед смертью, как это было в обычаях XIV—XV вв., князь пожелал постричься в монахи. Его провожали всем городом, собираясь, по словам летописца, «яко на дивное чудо». Плачет горькими слезами дружина, плачут «склоньшися друг ко другу» княжьи отроки, плачет княгиня, плачут бояре, плачет всё многочисленное родство маститого Михаила Александровича. Между тем, прибыли к Михаилу послы из Константинополя с дарами патриарха: иконою страшного суда, мощами святых и миром. Тверской епископ, всё духовенство и толпы народа вышли навстречу послам со свечами и кадилами. С трудом встав с постели, вышел и сам умирающий великий князь. Поклонившись

иконе, Михаил приказал отнести её в церковь Спаса и сам проводил её туда, и когда икону поставили на место, вышел к толпе, стал на высокую ступень, поклонился на все стороны и сказал: «Простите меня, братья и дружина, добрые сыны тверские: оставляю вам любимого и старшего сына Ивана, пусть будет вам князем вместо меня; любите его, как и меня любили, а он пусть соблюдает вас, как я соблюдал».

Народ плакал и прощался с князем, который вновь смиренно кланялся всем, а затем удалился в Афанасьевский монастырь, где через неделю умер.

Такой торжественный отход «к предкам» не был единичен. Раньше Михаила Александровича подобное же зрелище при огромном стечении экзальтированного народа устраивает из своей смерти Фёдор Ростиславич Ярославский. Всем городом провожали ярославцы своего князя, которого на носилках внесли в церковь. Традиционный вопрос перед постригом был задан князю в особенно выразительной форме: «что, прииде, брате, к святей дружине сей?» — так назвал игумен монастырскую «братию», явно противопоставив эту «святую дружину» той мирской, которая окружала его при жизни. Князь уходит в иной мир в сопровождении новой дружины для нового, но всё ещё княжеского дела.

«Благодарю тебя, — говорит другой князь, Дмитрий Святославич Юрьевский, своему епископу, постригаясь перед смертью, — что приготовил меня на долгий путь, на вечное лето, снарядил меня воином истинному царю Христу, богу нашему».

Такими же торжественными обычаями обставлялись в XIV—XV вв. все другие события в жизни семьи. Брачные пиры назывались «кашею». Кашу устраивали обычно в городе у отца невесты. Но если отец невесты был по положению ниже жениха, то жених не ездил за невестою сам, а посылал за нею послов. В спорных случаях каша устраивалась на полпути между городами жениха и невесты. Так было, например, когда Дмитрий Донской женился на дочери нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Кашу справляли в Коломне: Дмитрий Московский не хотел нарушить своё достоинство и ехать жениться в Нижний, а Дмитрий Нижегородский не хотел ехать в Москву к шестнадцатилетнему князю. Но где бы ни женился князь — это событие праздновали всем городом при громадном стечении народа.

Женитьба, рождение ребёнка, крестины и пр. не рассматривались только как события личной, замкнутой жизни. Обыкновение жить широкой семьёй приводило к объединению различных семейных празднований: братья и близкие родичи справляли вместе крестины, свадьбы и т. д. Так, например, московская летопись рассказывает под 1345 г.: «Того же лета князь великий Семен женился

Пир
Миниатюра Радзивилловской летописи

въ другие (т. е. овдовев) у князя Феодора у Святославичя, поял княгиню Еупраксию; также и братья его князь Иван, князь Андрей, и вси три единого лета женишася».

Особое внимание к свадебным обычаям, которое явственно ощущается в русской жизни, отразилось в многочисленных свадебных чиноположениях, которые начинают составляться с конца XV в. Чиноположения эти представляли собой не что иное, как наставления о том, кому и что делать в суетливые свадебные часы. Они отчётливо рисуют необычайно сложный свадебный обряд великого

князя и высших слоёв общества, вобравший в себя обычаи самого разнообразного происхождения, но в основе своей опирающийся на традиционные формы русской народной свадьбы.

Как и в крестьянской свадьбе, в свадьбе великого князя участвуют свахи, тысяцкие, дружки; пекутся короваи, калачи, перепеч, готовятся сыры; невесте расчёсывают голову; жениха и невесту осыпают хмелем; им дарят ширинки; их постель стелется в холодном сеннике на тридевяти ржаных снопах; по углам в оловянных ставят мёд; в головах у постели ставят свечи в кадь с пшеницею.

Семейные торжества входили в жизнь народа. Семейный быт становился одним из важнейших элементов слагающейся национальности. Он стабилизировался торжественными обрядами, многочисленными обычаями, становился прочным, надёжным оплотом национального уклада.

Можно привести множество примеров, доказывающих повышенный интерес к семье в литературе и в живописи XIV—XV вв. Даже иконописцы чаще изображают темы семейной жизни Христа (Рождество, Сретение, Успение и т. д.), охотно разрабатывают тему материнства и так называемого «умиления» (умиления богоматери своим сыном).

Не случайно епископское поучение к князьям и всем православным христианам, помещаемое во всех русских Кормчих в списках XV в., подчёркивает необходимость твёрдо держаться обычаев своей страны, — это становилось почти патриотическим, почти государственным делом: «Коей же стране законы своя и отчина, а не приходит друга к друзей, но своя обычая кояждо закон дръжит».

4

К XIV—XV вв. относятся первые упоминания о многих обычаях, ставших впоследствии распространёнными в русском укладе жизни, например, полдневный сон,¹ раннее вставание утром.²

¹ В 1410 г. татары подошли «к Володимерю лесом безвестно из-за реки Клязмы, людем в полдень спящем» (Симеоновская летопись, ПСРЛ, т. XVIII).

² Обычно вставали в седьмом часу утра, называвшемся первым часом дня. Но царь Фёдор Иоаннович вставал в 4 часа утра.

Быт укрепляется, становится сложным и неотступно до самой смерти сопровождает жизнь человека многочисленными обычаями.

Усложнению всего уклада русской жизни соответствует и усложнение материального обихода общества.

Завещания князей, бояр и купцов, в которых перечисляются одежды, тканые золотом и усыпанные драгоценными камнями, дают представление о роскоши жизни состоятельных слоёв населения.

Вот любопытное сатирическое изображение московского щёголя начала XVI в. в одном из поучений митрополита

Князь и трубач
Деталь миниатюры Радзивилловской летописи

Даниила: «Великий подвиг творишь, — обращается к нему Даниил, — угождая блудницам, платье переменяешь, сапоги у тебя яркого красного цвета, чрезвычайно узкие, так что сильно жмут ноги, блистаешь, скачешь, ржешь как жеребец, волосы не только бритвою вместе с телом сбрываешь, но и щипцами с корнем исторгаешь, позавидовавши женщинам, мужское свое лицо на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, как женщина... Какая тебе нужда носить сапоги шелком шитые,

перстни на пальцы надевать? Какая тебе выгода тратить время над (охотничьими) птицами? Какая нужда множество псов иметь? Какая похвала на зрелища ходить? Мы не только носим шитые шелком сапоги, но даже под рубашкою, где никто не видит, некоторые носят дорогие пояса с золотом и серебром».

В мастерски набросанном митрополитом Даниилом портрете московского щёголя обращает на себя внимание в особенности брадобритие: западные обычаи и моды, повидимому, не были редкостью на Руси. Мужчины до 30 лет всегда изображаются на миниатюрах без бород. Дмитрий Донской не носил бороды до 29 лет, Василий I — до 32. Дошедшая до нас от XIV в. иллюстрированная Радзивиловская летопись (повидимому, смоленского происхождения) изображает одежды и вооружение, близкие западноевропейским. Нельзя считать, что перед нами просто подражание западноевропейским миниатюрам; против этого говорит последовательность, с которой западноевропейские одежды распределены среди тех слоёв населения, где они могли быть действительно в обыкновении: свои восточные одежды носят печенегы, половцы, угры, торки, татары; чужь изображена в своеобразных, подбитых мехом одеждах. Между тем, князья очень часто носят короткую западную одежду, трико, башмаки с острыми носками, длинные рыцарские шпоры. Гарольды одеты всегда в трико, иногда двухцветное. В общеевропейских ренессансного типа одеждах щеголяют женщины. В миниатюрах встречаются изображения западноевропейских обычаев и этикета, говорящие о том, что не только одежды, но и быт русских в XIV—XV вв. не был оторван от западноевропейского: оруженосец, держащий стремя своему князю, стоит на одном колене, начало мирных переговоров возвещается трубными звуками изящно избоченившихся гарольдов и т. д.

Русская одежда XV в., особенно парадная, не представляла таких резких различий от одежд западноевропейских, как это было позднее. Французский король Карл VII носил такую же шубу с откидными рукавами,¹ как и Иван III. Ожерелье, надеваемое московскими государями во время больших выходов, такой же формы, что

¹ Вообще следует отметить, что длинные, не сшитые по швам откидные рукава («накапки»), составляющие очень характерную деталь русской одежды, были распространены в XV в. в Западной Европе повсеместно.

и ожерелье, которое надевал в подобных же случаях Альбрехт III Бранденбургский, а впоследствии французский король Людовик XV.

Верхние одежды русских в XV в. не отличались такою длиною, как в XVII в., и были значительно короче нижних. Одежды низших классов в изображении миниатюристов всегда короткие.

Несмотря на то, что покрой одежды и название её в XV—XVI вв. были очень неустойчивы, мы всё же можем отметить для этого времени ряд характерно русских особенностей.

Мех, особенно соболий и бобровый, принадлежал к самым любимым уборам. Бобровый мех по большей части подкрашивался чернением. Почти все одежды состоятельных женщин, особенно выходные, парадные, не только зимние, но и летние, окаймлялись бобровой опушкой. В торжественных случаях женщины высших классов общества носили особый широкий бобровый воротник. В большом ходу было золотое тканье, шитьё, плетение. Излюбленным цветом материй — атласов, бархатов, камок — был червчатый (оттенок красного) и алый. В широком употреблении был жемчуг. Жемчужные нити окаймляли лицо, лоб украшала жемчужная кичная поднизь, по сторонам щёк свешивались жемчужные нити, на шею надевалось стоячее жемчужное ожерелье. Кроме жемчуга, в большом ходу были лалы и изумруды.

Верхние одежды всегда шились без пояса и были очень просторны. Нижние же одежды, а также домашние — сорочки (соответствующие теперешнему платью) носились с поясами, и ходить «распояскою» считалось так же неприличным, как для замужней женщины — с непокрытыми волосами, «простоволосою».

В деталях одежды и мужские и женские в каждом сословии представляли значительные видоизменения, но в целом, на взгляд иноземца, они представлялись одинаковыми. Вот как характеризует одежды русских Герберштейн: «Все они употребляют одинаковую одежду или убранство. Носят длинные кафтаны, без складок, с очень узкими рукавами, почти как у венгерцев. Узелки, которыми застегивается грудь, у христиан на правой стороне, у татар же, употребляющих одинаковую одежду, — на левой. Сапоги носят почти всегда красные, и короче, нежели до колен, с подошвами, подбитыми железными гвоздиками. Воротники рубашек почти у всех украшены

разными цветами; застегивают их пуговками, т. е. серебряными или медными позолоченными шариками, для украшения присоединяя к ним жемчуг».

* * *

От второй половины XIV и на всём протяжении XV в. идёт интенсивный процесс сложения национального быта в различных слоях общества. Этот процесс связан, с одной стороны, с отходом от языческих переживаний, с сильной христианизацией всего уклада жизни, а с другой — идёт параллельно созданию русского национального государства.
